

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СИСТЕМАМИ

УДК 321.01

ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ И ЕЕ ОТОБРАЖЕНИЕ В ТЕОРИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

*ДОМАКОВ В. В.,
МАТВЕЕВ В. В.*

АННОТАЦИЯ

В статье представлена полная характеристика социально-экономической сферы. Рассмотрены теории появления на основе власти «специальной организованности» общества после раскола общества на экономически неравные группы (классы) людей.

Ключевые слова: социально-экономическая сфера; «золотой миллиард»; «специальные организованности»; глобализация; общество; интересы предприимчивой части общества; государство; экономический материализм; материальные блага; частные и общий интересы.

THE CHARACTERISTIC OF SOCIO-ECONOMIC SPHERE AND DISPLAY OF STATE IN THE THEORY

*DOMAKOV V. V.,
MATVEEV V. V.*

ABSTRACT

The article presents a complete characterization of the socio-economic sphere. Considered on the basis of the theory of the emergence of power «special organization» of society after the division of society into economically unequal groups (classes) of people.

Keywords: socio-economic sphere; «Golden billion»; «Special organization»; globalization; society; entrepreneurial interests of society; State; economic materialism; wealth; private and common interests.

Существующая социальная действительность, под которой понимали «общественность, общежительность, гражданственность, взаимные отношения и обязанности гражданского быта, жизни» [1, С. 139], «все то, что есть, существует, состоит на деле, не вымышлено» [2, С. 394], безусловно связана с биологическим, духовным и социальным естеством человека. Именно это базирующееся на существующей социальной действительности адаптирующееся естество объединенных в социум людей обеспечивало им выживание в реальной постоянно меняющейся среде обитания, которая представляет собой любые компоненты, неподконтрольные субъектам, но способные к активному воздействию на нее, на общественные процессы в ней. Особенность существования любого биологического индивида проявляется в его способности сфор-

мировать отношение к объекту («предмету» [3, С. 528]) природы или другому субъекту («всякому лицу» [1, С. 194]), соотнося их свойства со свойствами самого себя. Эти свойства воспринимаются самим субъектом как его возможности, имеющие для него самого значение либо положительной, либо отрицательной ценности в зависимости от того, может ли этот объект удовлетворить его потребности и, тем самым, поддержать свое бытие. По сути, в рамках конкретной ситуации всегда имеют место действия, при которых отношение данного субъекта к объекту или другому субъекту может формироваться вне непосредственного контакта с ним. Это позволяет в этой конкретной ситуации данному субъекту сделать определенный выбор: сблизиться с объектом природы или субъектом, чтобы затем вступить во взаимодействие с ним

или уклониться от взаимодействия, если результат, например, угрожает существованию данного субъекта [4, С. 261-272]. Как видно, реальная среда обитания людей и соответствующая ей социальная действительность, которые можно объединить понятием «условия бытия», полностью определяет не только специфику формирования социальных отношений, но и переход на их основе к социальным взаимодействиям.

В отличие от любого животного, которое в природе осуществляет свои действия только инстинктивно, только на основе безусловных и приобретенных им в процессе жизни условных рефлексов, обоснованно считается, что *Homo Sapiens* (человек разумный) с его биологическим, социальным и духовным естеством действует и инстинктивно, и осознано. Такая деятельность человека в меняющейся среде обитания предполагает реализацию определенной совокупности осмысленных и взаимосвязанных умственных и физических действий, которые и приводят к получению желаемого результата. Именно в процессе такой деятельности рабочая сила человека, воздействующая на предметы труда с помощью средств труда, создает те материальные блага, которые необходимы для удовлетворения его жизненных потребностей, при этом, воздействуя своим трудом на природу, человек изменяет и самого себя, развивает свои духовные, умственные и физические способности.

С древних времен общее желание каждого человека выжить в тяжелейших условиях меняющейся среды обитания стало основным посылом объединения людей. Остаться в живых, не погибнуть под ударами не познанных сил природы можно было только сообща. Поэтому само понятие «общество» оказалось неразрывно связано с меняющимися условиями обитания людей, способами их выживания в них и получило самые различные определения.

Так, например, Р. фон Моль, как отмечает Г. Еллинек, «рассматривал общество как стоящее между индивидом, семьей и племенем — с одной, и государством, с другой стороны, самостоятельное образование, как жизненную среду, создаваемую важными и длящимися интересами людей, объединяющими желания и действия всех участников одной общей целью и таким образом вырабатывающими одинаковые нравы и воззрения, общие учреждения и, наконец, более или менее развитые и одаренные сознанием организмы» [5, С. 117]. Сам Г. Еллинек определял его двояко и считал, что:

— «общество в самом широком смысле означает совокупность проявляющихся во внешнем мире психологических связей между людьми; оно есть, таким образом, собирательное понятие, объединяющее совокупность всех общественных отношений между людьми в одно логическое единство и в этом смысле оно тождественно с понятием человеческого общения, которое

состоит из множества отдельных, длящихся или временных отношений между индивидами» [5, С. 119];

— «в тесном смысле общество означает совокупность человеческих союзов, т. е. групп людей, объединенных каким-либо связующим элементом» [5, С. 122].

По В. И. Далю общество представляло собой «собрание людей товарищески, братски связанных какими-либо общими условиями» [3, С. 527]. Не противореча этому понятию, например, В. Н. Хропанюк определял общество как «совокупность индивидов, обладающих сознанием и волей», в которую они объединялись на основе общего интереса [6, С. 32].

Совместно противостоя силам природы, люди в условиях меняющейся существующей реальности выживали, только и только взаимодействуя друг с другом. По этой причине К. Маркс кратко определял общество как «продукт взаимодействия людей» [7, С. 402], полагая, что только такое взаимодействие и могло обеспечить их нормальное функционирование в меняющейся среде обитания, возможность для их выживания, воспроизводства и саморазвития, поскольку вне общества, вне социальных связей и взаимодействия человек со временем терял качества существа, одаренного волей и сознанием.

Подтверждением правомочности введения таких понятий считалось то, что человек, как объект живой природы, в процессе своего существования, которое приобретало социальную форму, оказывался неразрывно связан, прежде всего, именно с производством, накоплением, распределением и обменом материальных благ. Эти блага создавались рабочей силой человека, воздействующей на предметы труда с помощью средств труда, при этом люди неизбежно и независимо от их воли и сознания вступали в определенные общественные отношения между собой, которые стали называть так же производственными или экономическими отношениями. По определению они включили в свой состав «собственность на средства производства, составляющих их основу», которая представляла собой именно отношение собственников и несобственников к объектам собственности, в том числе и к средствам производства, «а также отношения обмена, распределения» [8, С. 8] и, как следствие распределения – перераспределения. Все вместе они определяли именно то, что связывало их с деятельностью, которая обеспечивала создание материальных благ, необходимых для удовлетворения жизненных потребностей людей. Считалось, что, вступая между собой в такие отношения, люди по этой причине и образовывали общество, которое является составной частью материального мира. Отсюда социум, отношения в нем, связанные с деятельностью, которая обеспечивала создание материальных

благ, необходимых для удовлетворения жизненных потребностей людей, образовывали некую структуру, получившую название социально-экономической сферы.

В меняющихся условиях бытия сами общественные отношения определялись характером производительных сил, включающих в себя средства производства (предметы труда и средства труда), а также рабочую силу людей, и в совокупности составляли способ производства материальных благ. Развитие производительных сил, и в первую очередь совершенствование орудий производства, неизбежно вело к тому, что старые общественные отношения заменялись новыми. Общественные отношения в свою очередь оказывали воздействие на производительные силы: если эти отношения отставали в своем развитии, они тормозили рост производства и его совершенствование, если они являлись прогрессивными, то двигали вперед производство, ускоряли его развитие, при этом считалось, что наличию общего интереса нисколько не противоречило то обстоятельство, что в его рамках в одном и том же обществе могли быть как сходные интересы, так и противоположные друг другу.

В то же время следует отметить, что в рамках указанной социально-экономической сферы приведенные определения «общества» не позволяли отличить его от иных взаимодействующих «совокупностей индивидов, обладающих сознанием и волей» [6, С. 32], в которые они объединялись на основе общего интереса, например, от взаимодействующих членов семьи, рода, а применительно к нашему времени, к примеру, от коллектива взаимодействующих в цехе рабочих, также имевших в среднем общий интерес. Действительно в коллективе цеха, под которым обычно понимали группу людей, преследующую благородные цели, все было подчинено, например, росту производительности труда, и никого не интересовали во время работы частные интересы работников. Поэтому в отличие от указанных выше совокупностей людей и рассмотренного в качестве примера коллектива определяющими свойствами общества в реальных меняющихся условиях следует считать наличие в нем не только внутренней имеющей постоянный и объективный характер заинтересованности людей друг в друге, но и возможность осуществления в той или иной степени интересов каждого из них.

В рамках социально-экономической сферы человек всегда являлся минимальным элементом общества, был «каждым из людей; высшим из земных созданий, одаренным разумом, свободной волей и словесной речью» [1, С. 387], а потому общество в принципе не могло рассматриваться и никогда не рассматривалось как простая сумма индивидов. На всех этапах своего существования общество представляло собой сложное социальное образование, являющееся

в результате именно взаимодействия целостным объектом, обладающим свойствами, которые отсутствовали у отдельно взятого элемента и их простой суммы, а потому могли проявляться и проявлялись только и только во взаимодействии людей, в борьбе людей с силами природы и с возможностью при этом осуществления в той или иной степени интересов каждого из них.

Определяя общество с учетом меняющихся условий бытия как составной элемент социально-экономической сферы в виде совокупности людей, каким-то образом сочетающихся при взаимодействии частные и общий интересы, естественно рассмотреть тандем «человек – общество», в рамках которого частные интересы могут совпадать, могут не совпадать и могут даже находиться в противоречии с общественными интересами.

Не трудно догадаться, что результирующая частных интересов, характеризующая общественный интерес, будет определяться множеством совпадающих, не совпадающих и даже противоречивых частных интересов людей, и в итоге определяет общий интерес всего общества. Отсюда можно сделать вывод, что общественный интерес формировался и формируется на основе взаимных, подчас даже противоречивых частных человеческих интересов с результирующей, которая геометрически отображает результат взаимного сотрудничества его индивидов. В этом случае «гармоничное сочетание» общих и индивидуальных интересов в среднем приводит просто к «организованности» общества, при этом в рамках социально-экономической сферы обеспечивается создание материальных благ, необходимых для удовлетворения в рамках общего интереса жизненных потребностей такой совокупности людей.

Действительно, история человеческого общества начиналась с образования семьи и семейных отношений, когда на смену беспорядочным половым связям пришел коллективный брак. Семьи группировались в рода (родовые общины), которые представляли собой объединение людей, основанное на кровном родстве, а также на общности имущества и труда. Род выступал как личный, а не территориальный союз, в котором люди находились не по признаку территории, а по родственным связям, концентрирующим их экономические, нравственные, религиозные и другие интересы. Они перемещались с одной территории на другую, но их общность при этом сохранялась. Роды соединялись и становились частью более крупного объединения – племени, а позднее и союза племен.

В семье, роде, племени, союзе племен использовались позволявшие выжить обычаи, которые входили в привычку в результате многократного применения в течение длительного времени и становились естественной жизненной потребностью людей. Эти обычаи:

– исходили от рода и выражали его волю и интересы;

– действовали в силу привычки, исполнялись добровольно, а в случае необходимости их соблюдение обеспечивалось всем родом, при этом к нарушителям обычаев применялось убеждение (внушение), а иногда и принуждение, которое исходило от всего рода или племени;

– не различались по правам и обязанностям: права воспринимались как обязанности, а обязанности как права [6, С. 35].

Обычаи становились, правилами, позволяющими выжить, поскольку «регулировали», оставаясь в заданных границах без изменения, труд, быт членов рода, семейные отношения, то есть, по сути, служили «регулятором общественных отношений». Многие из них одновременно являлись правилами первобытной морали и религии, были связаны с отправлением укоренившихся обрядов и ритуалов.

Если в таком обществе формировались две его части не просто с отличными, а с диаметрально противоположными интересами, которые исключали построение результирующей, то возникало два сообщества.

В этом случае «гармоничное сочетание» интересов могло быть обеспечено лишь в каждой части самостоятельно, а обеспечение антагонистических интересов между этими частями становилось невозможным. Несовместимость интересов таких антагонистических групп в целом приводила к неминуемой дестабилизации общественной жизни, которая находила свое выражение, в том числе, и в войнах.

Возможен, однако, и такой уникальный случай, когда частный интерес отдельного человека находится в полном противоречии с общественным интересом. В этом случае говорили, что «человек идет не в ногу с обществом». Однако такие случаи имели и имеют место, когда у отдельного человека, например, возникает идея о возможности, например, иного восприятия мира, что зачастую приводило к трагическим последствиям: достаточно вспомнить Джордано Бруно или Николая Коперника.

Безусловно, возможны и случаи, когда, например, незначительное по сравнению с обществом количество предприимчивых людей¹ начинало обогащаться за счет большинства. Возникала ситуация, связанная с диаметрально

¹ В предприимчивую часть общества на разных этапах существования социума входили соответственно рабовладельцы, феодалы, капиталисты, которые получили у классиков в зависимости от имеемой у них частной собственности название «господствующего класса»; партийно-бюрократический аппарат в СССР и в странах народной демократии, который де-юре собственником государственной (общенародной) собственности не являлся, но де-факто владел, пользовался и распоряжался ею, а также бюрократический аппарат РФ, который де-юре собственником форм собственности не является, но де-факто владеет, пользуется и распоряжается ими, и «новые русские» в современной России, которые являются собственниками объектов частной собственности.

противоположными или антагонистическими интересами между этой предприимчивой частью общества и остальной большей его частью.

В этом случае в рамках общества сочетание таких антагонистических интересов стало требовать уже иной «организованности», которая должна была носить специальный характер и которую по этой причине стали называть «специальной организованностью». Геометрический смысл такой «специальной организованности» состоит в том, чтобы уравновесить интересы малой, но весьма предприимчивой части общества, живущей, как правило, за счет большинства, и интересы другой, большей его части. Такая «специальная организованность» общества получила впоследствии название «государство». У греков, например, сначала государство называлось *πόλις* и было, таким образом, тождественно с городом [5, С. 149]. Систематизируя в своем трактате «Политика» (от греч. *Πολιτικά* /*Politica* — наука, знание о том, как наилучшим образом организовать совместную жизнь людей государстве) сложившиеся в его время взгляды на общественное устройство, Аристотель (древнегреч. *Ἀριστοτέλης*) (384-322 гг. до н.э.) писал: «Государство – продукт естественного возникновения» [9, С. 378]. Этот же термин но уже в XVI в. использовал и Н. Макьявелли (Макиавелли) (1469-1527 гг.), который свой трактат «*Principe*» («Государь») начинает фразой: «*Tutti gli stati, tutti i dominij che hanno avuto et hanno imperio sopra gli uomini, sono stati c sono c repubbliche o principati*» [5, С. 152], и совершенно сознательно употребил название «государство» (итал. *stato* от лат. *status* — стояние, состояние) для обозначения новой политической реальности ...» [10, С. 85 – 86].

Государство стало реализовывать «гармоничное сочетание» антагонистических интересов, при этом в рамках социально-экономической сферы создавались материальные блага, которые обеспечивали, как правило, весьма избыточные потребности предприимчивой части общества и обеспечение потребностей большинства на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли.

Для исследования такого «гармоничного сочетания» антагонистических интересов гуманитарная наука выдвинула целый ряд теорий возникновения государства, обеспечивающих на основе власти («права, силы и воли над чем-либо, свободы действий и распоряжений, начальствование» [2, С. 226]) интересы предприимчивой части общества. К числу таких теорий были отнесены: экономическая, естественно-правовая, органическая, психологическая и теория насилия, которые весьма подробно были проанализированы В. Н. Хропанюком [6, С. 37 – 45].

Так, в основу экономической, материалистической или классовой теории происхождения государства было положено общественное разделение труда, которое пришло на смену естественному

разделению трудовых функций между мужчиной и женщиной. Первым крупным общественным разделением труда явилось отделение скотоводства от земледелия, затем от земледелия отделилось ремесло, а позже обособилась группа людей, занимающихся обменом товаров, – купцы [6, С. 36]. Общественное разделение труда и связанное с ним совершенствование орудий труда дали толчок к росту производительности труда. В этих условиях человек стал производить большее количество продукта, чем было необходимо для поддержания его собственной жизни. Избыточный продукт создавал возможность накопления у отдельных семей, их глав, прежде всего у старейшин и военачальников, орудий труда, запасов товаров, а позже и обособленных участков земли. Это привело к тому, что общество стало дифференцироваться именно по имущественному признаку и раскололось на две антагонистические группы: появились предприимчивые богатые, которые стремились к власти и упрочению своего экономического преимущества, и бедные, которые желали изменения своего зависимого положения.

В этих новых условиях родоплеменная организация общества оказалась бессильной, а «гармоничное сочетание» антагонистических интересов незначительного количества богатых и большинства бедных потребовало именно указанной «специальной организованности» этого нового по качеству общества, в котором могло быть обеспечено преимущество интересов одних членов общества за счет других. Общество, в силу его раскола на имущественно неравные группы (классы) людей, объективно породило такую организацию, которая должна была, с одной стороны, поддерживать с помощью основанной на государстве власти интересы имущих, а с другой – сдерживать сопротивление с ними материально зависимой части общества и стабилизировать такую ситуацию. Такой организацией, выделившейся из общества, и стало государство – царство, империя, королевство, земля, страна под правлением государя, которым являлся «всякий светский владыка, верховный глава страны, владетельная особа: император, царь, король, владетельный герцог или князь и пр.»² [2, С. 360]. Опираясь на многолетние исследования Л. Моргана, Ф. Энгельс по этому поводу замечал, что благодаря государству экономически господствующий класс становился и политически господствующим классом [11, С. 166]. Поддерживая эту мысль, В. И. Ленин категорически выступал против тех, кто считал, что государство является органом примирения классов, и утверждал, что «государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий, которые объективно не могли быть примирены» [12, С. 7].

² Исключение составляет Ватикан, который возглавляет религиозный владыка – Папа Римский.

В общем случае Ф. Энгельс выделял три случая возникновения основанного на власти такого государства:

– «афинский», который являлся самым чистым, классическим вариантом возникновения государства, поскольку афинское государство возникло непосредственно из классовых противоположностей, развивающихся внутри родового строя;

– «римский», при котором образование государства было вызвано обострением борьбы бесправных, живших вне древнеримских родов плебеев, против римской родовой аристократии (патрициев);

– «древнегерманский», возникший в связи с завоеванием обширных чужих территорий, для господства над которыми родовая организация не была приспособлена [11, С. 156-178].

Появившееся таким образом государство «специальными средствами подавления» обеспечивало интересы предприимчивой части общества, сдерживая сопротивление антагонистических общественных классов, поддерживало существование большинства с учетом его менталитета на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли, и стабилизировало такую ситуацию, обеспечивая тем самым преимущественно интересы экономически господствующего класса. Подтверждая это, В. И. Ленин отмечал: «По Марксу государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов» [12, С. 7]. Отсюда делался вывод, что государство возникло, прежде всего, в силу экономических причин: общественного разделения труда, появления прибавочного продукта, а затем раскола общества на классы с противоположными антагонистическими экономическими интересами, что оно исторически преходящее, временное явление, которое возникло вместе с возникновением антагонистических классов и так же неизбежно должно отмереть вместе с ними.

Представители других исторических концепций и теорий возникновения государства считали положения классовой теории происхождения государства односторонними, неверными, поскольку, по их мнению, «они не учитывали психологических, биологических, нравственных, этнических и других факторов, обусловивших формирование общества и возникновение государства» [6, С. 37]. Тем не менее, отмечал Г. Ф. Шершеневич, огромная заслуга экономического материализма состояла именно в доказательстве выдающегося значения экономического фактора, благодаря которому «в конечном счете» стало возможным увязать «даже высокие и благородные чувства человека с материальной стороной его существования» [13, С. 125-126].

«Во всяком случае, – писал Г. Ф. Шершеневич, – экономический материализм представляет одну из самых крупных гипотез в учении об обществе, способную лучше всего объяснить массу общественных явлений» [13, С. 126].

В ряду теорий, направленных на обеспечение «гармоничного сочетания» антагонистических интересов в обществе, следует так же отметить ориентированную на власть естественно-правовую или договорную теорию «специальной организованности» общества, которая полностью исключила из рассмотрения его предприимчивую часть. Определяющим свойством этой теории было то, что «государству предшествовало естественное состояние человека» [6, С. 38], при котором, однако, условия жизни и характер человеческих взаимоотношений воспринимались весьма неоднозначно. Так, Т. Гоббс усматривал естественное состояние в царстве личной свободы, ведущей к «войне всех против всех» [14], Ж.-Ж. Руссо считал, что это есть мирное идиллическое первобытное царство свободы [15, С. 13], а Дж. Локк, писал, что естественное состояние человека выражается в его неограниченной свободе [16].

В рамках этих разнящихся пониманий естественного состояния человека сторонники такой договорной теории считали появление государства результатом общественного договора, который выступал как «порождение разумной воли народа, человеческое учреждение или даже изобретение» [6, С. 38]. Так, например, Д. Дидро суть своего понимания общественного договора изложил следующим образом: «Люди быстро догадались, – писал он, – что если они будут продолжать пользоваться своей свободой, своей независимостью и безудержно предаваться своим страстям, то положение каждого отдельного человека станет более несчастным, чем, если бы он жил отдельно; они осознали, что каждому человеку нужно поступиться частью своей естественной независимости и покориться воле, которая представляла бы собой волю всего общества и была бы, так сказать, общим центром и пунктом единения всех их волей и всех их сил. Таково происхождение государей» [17, С. 236].

Свое классическое обоснование договорная теория получила в трудах Ж.-Ж. Руссо. Анализируя исторический опыт, он пришел к выводу, что правители стали смотреть на государство как на свою собственность, к которой они относились как к своей, а на граждан – как на своих рабов. Они стали деспотами, угнетателями народа, а деспотизм стал высшим и крайним проявлением общественных различий: неравенства сильных и слабых, неравенства богатых и бедных; неравенства господ и рабов. Такое неравенство стало, по мнению Ж.-Ж. Руссо, причиной «нового отрицательного равенства»: перед деспотом все равны, ибо каждый равен нулю. Но это было уже не старое естественное равенство

первобытных людей, а равенство как искажение природы человека.

Ж.-Ж. Руссо считал также, что в интересах создания правомерного государственного устройства и восстановления истинного равенства и свободы людей следует заключить свободный общественный договор и «найти такую форму ассоциации, которая защищала бы и охраняла общей совокупной силой личность и имущество каждого участника и в которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы таким же свободным, каким он был раньше» [18, С. 87]. Он полагал, что «каждый из нас отдаст свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли, и мы вместе примем каждого члена как нераздельную часть целого» [15, С. 13]. Отсюда складывалось мнение, что общественный договор не разрушает естественного равенства, а, более того, заменяет физическое неравенство моральным и законным равенством.

Теория общественного договора критиковалась с самых разных сторон.

Так, например, Н. М. Коркунов полагал, что договорные начала в образовании общества и его «специальной организованности» – государства приводят к крайне индивидуалистическому пониманию общественной жизни. При этом у него личность «признавалась над всеми господствующей и все определяющей. Не личность считалась обусловленной общественной средой, а наоборот, общественный порядок являлся всецело определяемым произволом отдельных личностей» [19, С. 184-185].

Критикуя договорную теорию, Г. Ф. Шершеневич отмечал, что сторонники такого «механического представления» редко становились на точку зрения исторической действительности, поскольку общественный договор для них был только методологическим приемом. «Для них не важно, было ли так в истории или нет, для них важно доказать, какой вид должно принять общество, если предположить, что в основании его лежит общественный договор, обусловленный согласием всех, без чего никто не может считать себя связанным общественными узами» [13, С. 110].

Весьма близкую к Г. Ф. Шершеневичу позицию занимал и Е. Н. Трубецкой, который утверждал, что «не общество есть продукт свободного творчества человека, а наоборот, человек есть продукт исторически сложившихся общественных условий, определенной исторической среды, часть социального организма, подчиненная законам целого» [20, С. 214].

Весьма сходно выступал и сторонник классовой теории происхождения государства А. И. Денисов, который писал: «Договорная теория антиисторична, ибо в основу общественной жизни кладет индивида, человека. Вместе с тем эта теория односторонняя: подчеркивая, что

историческое развитие должно определяться природой человека, она не замечает того, что человек воздействует на природу и создает себе новые условия существования» [21, С. 108].

Иным подходом, направленным также на обеспечение «гармоничного сочетания» антагонистических интересов в обществе, стала основанная на власти органическая теория происхождения государства, которая аналогично исключила из рассмотрения его предпринимчивую часть. В основу этой теории была положена аналогия с живым организмом, находящимся под властью мозга. Как отмечал В. Н. Хропанюк, эта теория связывала свое представление о «специальной организованности» общества с «государством как своеобразным подобием человеческого организма» [6, С. 41-42], которое первоначально было сформулировано еще Древней Греции.

Так, например, Платон «сравнивал структуру и функции государства со способностью и сторонами человеческой души»³, а Аристотель считал, что государство во многих отношениях напоминает живой человеческий организм, и на этом основании отрицал возможность существования человека как существа изолированного. Образно говоря, свои взгляды они аргументировали следующими сравнениями: как руки и ноги, отнятые от человеческого тела, не могут самостоятельно функционировать, так и человек не может существовать без государства.

Суть такой органической теории состояла в том, что общество и его «специальная организованность» – государство представлялись как организм, и поэтому ее можно было понять лишь из «строения и функций» этого организма. Все неясное в строении и деятельности общества и государства объяснялось по аналогии с закономерностями анатомии и физиологии.

Органическая теория в окончательном виде была сформулирована в XIX в. По мнению ее видного представителя Г. Спенсера, государство являлось неким общественным организмом, состоящим из отдельных людей, подобно тому, как живой организм состоял из клеток. Важной стороной данной теории являлось утверждение о том, что государство одновременно состоит из людей, которые его образуют, и будет существовать, пока существует человеческое общество. Г. Спенсер определял государственную власть как господство целого над своими составными частями, выражающееся в обеспечении государством благополучия своего народа. Если организм здоровый, то и клетки его функционируют

³ В настоящее время под структурой понимается совокупность элементов, групп элементов и отношений между ними, при этом если элементом структуры является функция, то имеет место функциональная структура, а если элементом является операционный объект, то имеет место организационная структура, при этом функциональная и организационная структуры характеризуют ее различные стороны.

нормально. Болезнь же организма подвергает опасности составляющие его клетки, и, наоборот, больные клетки снижают эффективность функционирования всего организма [22; 285].

Сторонники психологической теории рассматривали общество и его основанную на власти «специальную организованность» – государство уже иначе, как сумму психических взаимодействий людей и их различных объединений и так же полностью исключала из рассмотрения его предпринимчивую часть. Они утверждали, что психологические потребности человека определяли его желание жить в рамках специально организованного сообщества, а также в чувстве необходимости коллективного взаимодействия и полагали, что общество и государство есть следствие психологических закономерностей развития человека [23, С. 164-188]. По их мнению, все общественные явления могли разрешаться только на основе психических актов людей и вне их нет и не могло быть ничего общественного. В этом смысле психологическая теория объясняла многие вопросы общественной жизни, которые ускользали от внимания экономической, договорной, органической теорий. Однако, считал Г. Ф. Шершеневич, попытка свести всю общественную жизнь к психологическому взаимодействию людей, объяснить жизнь общества и государства общими законами психологии – такое же преувеличение, как и все другие представления об обществе и государстве [13, С. 128].

Наконец, представители теории насилия считали, что основанная на власти «специальная организованность» общества возникла в результате насилия и завоевания. Они также полностью исключали из рассмотрения его предпринимчивую часть. Зародившись в эпоху рабовладения, более развернутое научное обоснование эта теория получила в XIX-XX вв. Ее смысл состоял в том, что она была результатом внутреннего и внешнего насилия, то есть прямого политического действия, при этом государство продолжало быть органом угнетения только в тех странах, где еще не стерлись юридические, различия между победителями и побежденными» [6, С. 42]. Наиболее характерные черты теории насилия были изложены в работах Е. Дюринга, Л. Гумпловича, К. Каутского и других.

Е. Дюринг, например, считал, что основой общественного развития являлись формы политических отношений, а экономические явления выступали следствием политических актов. Первоначальный фактор появления государства следовало, по его мнению, искать в непосредственной внутренней политической силе. Общество, по его мнению, могло состоять, по меньшей мере, из двух человек. Две человеческие воли как таковые вполне уравнивали друг друга, и ни одна из них не могла предъявить другой никаких положительных требований. При таком положении дела, когда общество состояло из двух рав-

ных лиц, неравенство и рабство, по его мнению, были невозможны в принципе. Для объяснения появления государства Е. Дюринг образно привлек третьего человека, так как без него нельзя было принимать решение большинством голосов, а без подобных решений, то есть без господства большинства над меньшинством, государство, по его мнению, вообще не могло появиться. Отсюда делался вывод, что именно по этой причине «специальная организованность» общества возникла как результат насилия одной части общества над другой [24].

Л. Гумплович, являющийся представителем теории внешнего насилия, утверждал, что государство образовалось вследствие завоевания сильным племенем более слабого [25]. В итоге таких завоеваний возникло рабство: одно племя, победившее в борьбе, становилось господствующим; другое, потерпевшее поражение, теряло свободу и оказывалось в положении рабов. Рабство в свою очередь вело к появлению частной собственности и классов. С частной же собственностью связывался и ею был обусловлен переход от кочевого быта к земледельческому, оседлому быту. «Государственная власть», по Л. Гумпловичу, возникла из физической силы: господство племени, основанное вначале только на физическом преобладании над другим племенем, постепенно превращалось в государство класса, опирающегося на экономическое могущество последнего.

На такой же позиции внешнего насилия стоял и К. Каутский, который также видел источник появления государства в войнах. Племя-победитель, по его утверждению, подчиняло себе побежденное племя, присваивало землю этого племени, а затем принуждало его систематически работать на себя, платить дань или подати. В результате такого завоевания возникало деление на классы, а принудительный аппарат, создаваемый победителями для власти над побежденными, превращался в государство. «Лишь там, – писал К. Каутский, – где имело место внешнее насилие, возникало деление на классы, но не вследствие деления общины на различные подразделения, но вследствие соединения в одно двух общин, из которых одна делалась господствующим и эксплуатирующим, другая – угнетенным и эксплуатируемым классом» [26, С. 77].

Совершенно очевидно, что в теории насилия, несомненно, присутствовали фрагменты классовой теории: она также строилась на действиях человека, которые были обусловлены экономическими и социальными факторами его жизни. Однако точки зрения этих теорий на причины происхождения государства не совпадали в главном: если К. Маркс и Ф. Энгельс доказывали, что государство не есть сила, извне навязанная обществу, а есть результат его внутреннего развития, то Е. Дюринг, Л. Гумплович, К. Каутский и др. ставили в основу возникновения государства факторы внутреннего или внешнего насилия.

В то же время следует отметить и непоследовательность представителей классовой теории, которые, с одной стороны, признавали революционный, насильственный путь, переходя от одного типа государства к другому, а с другой стороны, полностью отрицали роль насилия (в широком смысле) в появлении государства.

Рассмотренные теории появления на основе власти «специальной организованности» общества подтвердили многосторонность представлений о государстве и проявились в многообразии его определений.

Так, например, Аристотель определял государство как соединение многих родов и деревень ради лучшей, совершенной жизни. Позже у древних греков государство стало считаться сосредоточением всех умственных и нравственных интересов граждан. В Древнем Риме Марк Тулий Цицерон видел в государстве уже не олицетворение высшего совершенства человеческой жизни, а союз людей, объединенных общими началами права и общей пользы. В Российской империи использовались самые различные определения государства, которые так же связывались с понятием «власть». Так, например, Н. М. Коркунов определял государство как «общественный союз, представляющий собою самостоятельное, признанное принудительное властвование над свободными людьми» [19, С. 240], Е. Н. Трубецкой считал, что «государство есть союз людей, властвующий самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории» [20, С. 22], В. М. Хвостов полагал, что государство – «это союз свободных людей, живущих на определенной территории и подчиняющихся принудительной и самостоятельной верховной власти» [27, С. 15], Л. Гумплович определял государство как «естественно возникшую организацию властвования, предназначенную для охраны определенного правопорядка» [25, С. 36], а В. И. Ленин считал, что «государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы удержать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы» [28, С. 75]. В последующем и в СССР развитие представлений о государствах, которые базировались на классовой теории, сохранило свою связь с интересами предприимчивой части общества, с понятием «власть», но получило ориентацию в направлении более углубленного раскрытия классового характера государства в любых его проявлениях, и том числе и «социалистическом» [29]. Так, например, С. А. Голунский и М. С. Строгович писали: «Сущность государства заключается в том, что господствующий класс с помощью специального аппарата принуждения насильственно навязывает свою волю всему обществу: государство всегда есть диктатура господствующего класса» [30, С. 53], А. И. Денисов, считал, что «государством называется как раз та особая организация, посредством которой класс осуществляет свою неограниченную никакими законами власть – дик-

татуру» [21, С. 53], М. П. Карева, С. Ф. Кечекьян, А. С. Федосеев и Т. И. Федькин утверждали, что «государство есть политическая организация экономически господствующего класса, аппарат власти, посредством которого этот класс осуществляет свою диктатуру, держит в узде своих классовых противников и защищает материальные условия своего существования от всяких посягательств на них со стороны враждебных ему сил как внутри страны, так и за ее пределами» [31, С. 50-51], а С. С. Алексеев рассматривал государство как «особую организацию политической власти экономически господствующего класса (трудящихся во главе с рабочим классом – в социалистическом обществе), располагающей специальным аппаратом принуждения и придающей своим велениям обязательную силу для населения всей страны» [32, С. 38].

Отсюда следовало, что государство во все времена выступало «главным политическим институтом общества», имеющим своей целью обеспечивать интересы его предпринимчивой части, выступающей в нем в качестве господствующего класса. По этому поводу Н. М. Коркунов писал: «Государство лишь постольку и существует, поскольку оно действует, властвует, правит» [33, С. 30].

В процессе длительного существования классовой социально-экономической сферы, в которой государство во все времена обеспечивало связанные именно с обогащением интересы предпринимчивой части общества, поддерживало существование большинства с учетом его менталитета на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли, и стабилизировало такую ситуацию, в предположении, что после обогащения предпринимчивой части общества сразу же наступит всеобщее благоденствие, постоянно осуществлялись качественные преобразования такой «специальной организованности» общества, направленные на дальнейшее ее совершенствование.

Так, например, в случае появления в обществе нескольких групп предпринимчивых людей, имеющих незначительно отличающиеся друг от друга интересы по своему обогащению, которые, однако, противостояли общественным интересам, становилась возможной на базе государства кооперация их интересов этих и построение общих для них результирующей, обеспечивающей с помощью указанной «специальной организованности» общества объединение их интересов.

Следующим вариантом совершенствования «специальных организованностей» общества стало «реформирование». Обычно под реформированием предлагали понимать процесс «нововведений..., прогрессивных преобразований, связанных с известным шагом к лучшему» [34, С. 58]. Однако отсутствие указания на то, в чьих же интересах эти «прогрессивные преобразования» производятся и когда они завершатся, превращало в рамках государства реформирование в мощ-

ный инструмент достижения интересов только предпринимчивой части общества, которая во все времена обеспечивала свою избыточно благополучное существование только за счет большинства общества. Именно этот факт и позволяет говорить о реформировании в рамках государства как о новой «специальной организованности» общества, обеспечивающей в целом только и только интересы его предпринимчивой части.

Наконец, последний вариант «специальной организованности» общества не менее изобретательно предпринимчивая часть общества связала с понятием «глобализация», рассматриваемой как «процесс становления нового мирового порядка, как современный этап колонизации мира» (неоколониализм), который порабощает мир экономическими средствами, раскалывая его «на «золотой миллиард» и остальную часть человечества» [35, С. 10; 241, С. 16-36]. Основу этого «золотого миллиарда» составляют «транснациональные компании» (ТНК), которые руководствуются только интересами получения прибыли и, выплачивая положенные налоги как законопослушные граждане в своей стране, в погоне за рыночной прибылью в принципе не знают национальных границ. Создание такого нового социально-экономического порядка, интегрирующего «национальные экономики (структуры, финансово-материальное состояние какой-либо отрасли хозяйственной деятельности [36, С. 749], 37) в единую глобальную экономику, у истоков которой стоят Международный валютный фонд (МВФ), Всемирная торговая организация (ВТО) и НАТО, приводит в явной форме к указанной «специальной организованности», которая позволяет предпринимчивой части общества обогащаться не только за счет населения своей страны, но и за счет населения других стран.

Таким образом, после раскола общества на экономически неравные имущие и неимущие группы (классы) людей объективно появились и постоянно совершенствовались его «специальные организованности», которые на основе власти в полной мере обеспечивали интересы его предпринимчивой части, поддерживали существование большинства с учетом его менталитета на уровне, достаточном для извлечения из него прибыли, и стабилизировали такую ситуацию, сдерживая противоборство материально зависимой части общества, в предположении, что после обогащения предпринимчивой части сразу же наступит всеобщее благоденствие.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 4: С – V. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 576 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 1: А – З. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 640 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 2: И – О. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 672 с.
4. Кушелев В. А. Анатомия рациональности и принципы ее самоорганизации. – Красноярск, 2011. – 364 с.
5. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Вступительная статья докт. юрид. наук проф. И. Ю. Козлихина. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 752 с.
6. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. 2-е изд., дополненное, исправленное / Под ред. доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ В. Г. Стрекозова. – М.: изд. «Интерстиль», 1997. – 377 с.
7. Маркс К. Павлу Васильевичу Анненкову / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 27. – М.: Госполитиздат, 1962. – 695с.
8. Политическая экономия. Учеб. пособие для школ марксизма-ленинизма [руковод. авт. колл. А. Н. Малофеева, Ю. В. Яковец] – М.: Изд-во Политической литературы, 1967. – 367 с.
9. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4 – М., 1984.
10. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: В 2 т. – СПб.: Наука, 2003 – Т. 1: Конструирование прошлого. – 2003. – 632 с.
11. Маркс К. Варварство и цивилизация / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21. – М.: Госполитиздат, 1961. – 745 с.
12. Ленин В. И. Государство и революция / Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 33. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1974. – 433 с.
13. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. – М.: Бр. Башмаковы, 1911.
14. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Соцэкгиз, «Образовая тип.», 1936. – 503 с.
15. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938.
16. Локк Дж. Два трактата о государственном правлении / Избранные философские произведения. В 2-х т. Т. 1. – М.: Соцэкгиз., 1960. – 734 с.
17. Дидро Д. Собрание сочинений. Т. 7. Статьи из «Энциклопедии». – М., 1939.
18. Руссо Ж.-Ж. О причинах неравенства. – СПб., 1907. – 68 с.
19. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – СПб.: [Н. К. Мартынов], 1894. – 430 с.
20. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. – М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1917.
21. Денисов А. И. Основы марксистско-ленинской теории государства и права. – М., 1948.
22. Спенсер Г. Изучение социологии. – Воспитание умственное, нравственное и физическое. – СПб.: «Издатель», 1899. – 114 с.
23. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. – СПб.: тип. СПб. Акц. общ. «Слово», 1907.
24. Дюринг Е. Ценность жизни. – СПб.: ред. журн. «Русское богатство», 1894. – 222 с.
25. Гумплович Л. Общее учение о государстве. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. – 516 с.
26. Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. – М-Л.: Гос. соц.-экон. изд., 1931. – 852 с.
27. Хвостов В. М. Общая теория права. – М. 1914.
28. Ленин В. И. О государстве / Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 39. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1974. – 623 с.
29. Сталин И. Вопросы ленинизма. – М-Л.: Государственное издательство, 1930. – 720 с.
30. Голунский С. А., Строгович М. С. Конспект по теории государства и права. – М.: Юрд. Изд-во НКЮ СССР, 1940. – 303 с.
31. Карева М. П., Кечежян С. Ф., Федосеев А. С., Федькин Т. И. Теория государства и права. [Учебное пособие для юридических вузов]. – М.: Госюриздат, 1955.
32. Теория государства и права / Под ред. С. С. Алексеева. – М.: Юрид. лит., 1985.
33. Коркунов Н. М. Указ и закон. Исследование Н. М. Коркунова. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. – 416 с.
34. Большая советская энциклопедия: 3-е издание [В 30-ти т.]. Т. 22. – М.: «Сов. энциклопедия», 1975. – 627 с.
35. Кефели И. Ф. Судьба России в глобальной геополитике. – СПб.: «Северная звезда», 2004. – 286 с.
36. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР Ин-т рус. яз.: Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. С – Я. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.
37. Матвеев А.В., Матвеев В.В. Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2014. – № 1(5). – С.3-20.